

ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ РИМА

Геннадий Михайлович Левицкий

Женщины в истории Рима

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178370

ЭНАС;

Аннотация

Книга состоит из биографических очерков знаменитых римлянок и женщин-иноплеменниц, которые сражались с Римом. Это история Рима на протяжении многих столетий с той лишь особенностью, что в фокусе ее будут находиться женщины: плохие и хорошие, талантливые и коварные, добродетельные и развратные – в общем, разные, как и весь наш мир.

Содержание

Предисловие	4
Тевта (? – после 228 г. до н. э.)	13
Софониба (? – 203 г. до н. э.)	25
Жена Гасдрубала (? – 146 г. до н. э.)	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Геннадий Михайлович Левицкий Женщины в истории Рима

Предисловие

Историю писали мужчины, делать ее предпочитали тоже они; потому ничтожно мало женских имен мы находим в исторических источниках. Но они есть, и если пришли к нам сквозь толщу тысячелетий, значит, достойны, чтобы мы их знали, изучали биографии самых ярких представительниц слабого пола и делали выводы для себя. Впрочем... Определение «слабый пол» явно не соответствует действительности в отношении большинства героинь этой книги.

В истории Рима времен республики женщины почти не упоминаются в источниках; исключение составляют, разве что, весталки – жрицы одного из самых почитаемых культов.

Ситуация вполне объяснима. Во все времена человечеству требовались сенсации; потому на страницы произведений античных авторов попадали не хорошие матери или жены, а весталки, нарушившие обет целомудрия и похороненные за свой грех заживо. Не писать же о почтенной матроне,

посвятившей свою жизнь домашнему очагу? Иных забот во времена республики на слабый пол и не возлагалось.

В императорский период писатели также проповедуют традиционные женские добродетели: покорность, благочестие, целомудренность, любовь к мужу, заботу о детях. Однако женщинам становится тесно в придуманных мужчинами рамках, их уже не удовлетворяет роль, отведенная общественным мнением. Если Ливия, жена Августа, и его дочь, Юлия, согласно старинному римскому обычаю, прядут шерсть вместе с рабами, то это их не единственное, и не главное занятие. Жены, ближайшие родственницы императоров желают пользоваться частью огромной власти их мужа, отца, брата и, в силу своих качеств и положения, наравне с мужчиной вершат судьбами мира.

Умные, образованные, энергичные представительницы слабого пола не только добиваются права на часть власти мужчин, но и ломают стереотипы о месте женщины в обществе. Многие из них пользуются огромным влиянием среди всех слоев населения империи, они становятся настоящими помощницами мужьям в деле управления государством. Эта несвойственная женщинам роль, как ни странно, воспевается античными авторами: наиболее яркий пример – жена императора Траяна – Плотина.

Не все женщины, оказавшись у власти, использовали свое положение на благо общества. Власть – этот монстр, исследуемый лучшими умами человечества и до конца непоня-

тый – меняет людей, и, чаще всего, не в лучшую сторону. Но что желать от хрупких существ, если подвиг Луция Корнелия Суллы, отказавшегося от власти на вершине своего могущества, сумели повторить лишь единицы на протяжении всей мировой истории.

Одержимые безумными мечтами, они несли на алтарь самой великой своей страсти все, что было святого в жизни и собственные жизни. Они поднимались на самый высокий Олимп человеческих отношений запятнанные кровью близких родственников, чтобы спустя недолгое время пасть жертвой, опять же, самых близких людей.

Их звезды вспыхивали ярким светом над миром, которым правили мужчины. Они пробирались сквозь законы и предрассудки, расталкивали локтями представителей противоположного пола, проникали на их сокровенную территорию, чтобы сказать свое властное женское слово на века и тысячелетия. И мужчины, которые считали себя единственными творцами истории, восхищенно и покорно рукоплескали женщинам, занявшим их традиционное место.

Книга посвящена самым знаменитым римлянкам, но не только им. Биографии представительниц других народов несколько не лишние, ибо их имена неразрывно связаны с Вечным городом, они стали неотъемлемой частью римской истории. Эти амазонки боролись своим женским оружием: умом и красотой – с самым могучим государством мира. Кто-то

из них желал победить и уничтожить Рим, кто-то желал видеть родину независимой от мирового хищника, кто-то хотел править Римом, а кому-то доставляло удовольствие грабить римлян.

Кто они: знаменитые женщины – враги Рима?

Тевта – царица Иллирии, превратившая своих подданных в пиратов и позволившая грубо обойтись с римскими послами.

Софониба – прелестная карфагенянка, которая своим телом доставляла союзников родному городу. Ее усилия едва не изменили ход 2-й Пунической войны.

Жена Гасдрубала – трагична и ужасна история последних минут жизни карфагенянки, оказавшейся мужественнее мужа-военачальника.

Клеопатра – раскрыть секрет ее успеха у самых знаменитых римлян – Цезаря и Антония – пытаются уже два тысячелетия. А была ли красива женщина, у ног которой падали мужчины, правившие миром? Чем их соблазняла Клеопатра? Попытаемся разобраться и мы вместе с античными авторами.

Боудикка – британская царица, отплатившая за оскорбление грандиозным восстанием, которое едва не прекратило владычество римлян на острове. В ее биографии излагаются также некоторые интересные моменты из истории самой далекой римской провинции.

Римлянки в книге необычны и такие разные, но все они, так или иначе, обладали властью. Многие из них добились высокого положения своим умом, хитростью, изворотливостью, и даже правили теми, кто правил Римом. Многие были красивы и использовали свою внешность как грозное оружие; некоторых и вовсе трудно назвать красавицами, но и они пользовались успехом у мужчин. Далеко не все отличались целомудренностью, скромностью и прочими чертами, которые хотели видеть в женщинах античные мужчины. Волевые, целеустремленные, обладающие нестандартным мышлением, они не обращали внимания на мужские условности, древние традиции и законы и уже одной своей смелостью заслужили право быть известными; и нам, в том числе.

Итак, римлянки, попавшие на страницы древних манускриптов и, соответственно, в нашу книгу:

Весталки – непорочные, иногда блудливые, жрицы очень почитаемой римлянами богини. Здесь же – история возникновения культа, множество небольших рассказов о женщинах с самыми большими правами в Риме и всего с двумя главными обязанностями: соблюдать девственность и поддерживать священный огонь.

Туллия Младшая – на какие поступки готова пойти женщина, страстно желающая стать царицей? Чье тело топтали копыта лошадей ее колесницы? Здесь же рассказывается о

том, как впервые в Риме была учреждена власть двух консулов.

Сервилия – она происходила из рода, славного республиканскими традициями, но была самой преданной любовницей идейного отца римских императоров – Гая Юлия Цезаря.

Порция – дочь Катона, одного из главных врагов Цезаря, и племянница Сервилии, любовницы Цезаря – все как в обычной гражданской войне, трагичной по определению. Но Порция определила свою судьбу: она должна последовать за мужем, что бы ни случилось.

Фульвия – жена трех самых известных римских авантюристов и фактически первая в истории Рима женщина-политик. Фульвия стала первой римлянкой, чье изображение появилось на монетах.

Октавия – положительный образ римлянки времен крушения республики. Сестра Октавиана Августа и жена Марка Антония.

Ливия – третья жена императора Августа; он был вторым мужем Ливии. В совместном браке прожили 51 год.

Агриппина Старшая – жена Германика – самого популярного представителя императорского дома Юлиев – Клавдиев.

Мессалина – третья жена императора Клавдия; высокое положение не помешало ей стать самой известной в истории развратницей.

Агриппина Младшая – мать Нерона и последняя жена императора Клавдия – большого любителя вступать в брак с женщинами, совершенно негодными для семейной жизни.

Домиция – Домиция и Домиций – императрица и император. Одинаковые имена, характеры и привычки – вовсе не повод для счастливой супружеской жизни.

Плотина – Плотину Плиний Младший изобразил как благочестивую женщину и примерную супругу императора Траяна. Так ли это?

Сабина – Ее муж, император Адриан, был весьма умным и необычайно талантливым человеком, но он любил кого угодно – только не собственную жену. В отместку Сабина оставила императора без наследника.

Фаустина Старшая – жена добрейшего римского императора Антонина Пия. А вот за императрицей кое-какие грешки водились.

Фаустина Младшая — следующей Фаустине также несказанно повезло с мужем. Философ Марк Аврелий терпеливо сносил и прощал многочисленные измены жены.

Луцилла — дочь императора-философа Марка Аврелия, не унаследовавшая от отца ни одного из положительных качеств.

Марция – величайшая римская куртизанка, которая десять лет пользовалась любовью жестокого непредсказуемого императора Коммода.

Юлия Домна — сирийская девушка весьма необычным

способом занимает место на троне рядом с грозным императором Септимием Севером.

Юлия Меса – сестра Юлии Домны. Никто не мог даже представить, что эта старушка будет свергать и назначать императоров.

Юлия Мамея – она оказалась достойной дочерью Юлии Месы. Эта женщина подготовила и возвела на трон собственного сына Александра, но ее непомерное властолюбие стучило и сына и ее саму.

Галла Плацидия – дочь императора Феодосия, сестра императоров Гонория и Аркадия. За свою полную приключений жизнь Галла Плацидия успела побывать женой варварского короля и римского императора.

Юста Грата Гонория – она была не в восторге от судьбы монашки, навязанной ей насильно. Коварная затворница вознамерилась «купить себе свободу сладострастия ценою зла для всего государства».

Амаласвинта – королева остготов, захвативших Италию. Она пыталась примирить завоевателей и римлян.

Величайшие личности мировой истории – они породили много сплетен, домыслов. Естественно, античные авторы тоже люди, и не могли избежать субъективного фактора при описании своих героинь; тем более, речь идет о неординарных личностях, окутанных туманом легенд и тайн еще при жизни. Мы можем лишь оставить их реальный портрет на

совести древних историков.

Автор книги – профессиональный историк – использовал для ее написания десятки античных источников. Для большей достоверности исследуемого материала в книге много цитат римских и греческих историков, поэтов, являвшихся современниками наших героинь, либо живших незадолго после их смерти.

Кроме знакомства с яркими персонами античности, читатель получит представление о жизни Рима на протяжении более чем тысячелетней истории, перед его глазами пройдут многие интересные события и малоизвестные факты из жизни великого мирового государства.

История – это мудрость тысячелетий. Изучение ее незамысловатых сюжетов помогает избежать многих ошибок современности. Желания, мысли, стремления человека существенно не изменились за несколько тысячелетий.

Тевта (? – после 228 г. до н. э.)

В душе римляне всегда оставались сухопутным народом и с предубеждением относились к соленой воде. Однако после 1-й Пунической войны (264–241 гг. до н. э.) у Рима появились островные провинции и, волей неволей, приходилось осваивать мореходство, строить торговый флот. Тирренское море, омывающее западную сторону Италии, Сицилию, Корсику, Сардинию было освоено в кратчайшие сроки.

Аппетит приходит во время еды. О восточные берега Италийского полуострова плескались волны Адриатического моря. По нему можно добраться до богатой Греции, а дальше сказочный Восток. Глаза италийских купцов горели алчным огнем, когда они планировали освоение Адриатики.

Имелся и чрезвычайно удобный порт на берегу Адриатического моря – Брундизий. Древний город в Калабрии перешел под власть римлян в 266 г. до н. э. Римляне скоро оценили его преимущества и в конце 1-й Пунической войны вывели в Брундизий свое поселение.

Казалось, чего проще: есть великолепные гавани, море – осталось нагрузить корабли и плыть, зарабатывать сестерции, денарии; получать удовольствие от созерцания заморских чудес.

Не тут то было: на Адриатическом море римляне столкнулись с такой проблемой, что разом отпала охота плавать

на торговых кораблях. А виной стала женщина...

Пираты освоили морские просторы гораздо раньше римлян. Пожалуй, эта рискованная профессия может оспаривать звание древнейшей. Когда человек, одетый в звериные шкуры, в выдолбленном из цельного дерева челне ловил рыбу, а два других подплыли точно в таких плавучих посудидах и отняли рыбу – это и была первая пиратская акция.

Активность пиратов то возрастала до невиданных масштабов, то на время затихала. Все зависело от обстоятельств, и, прежде всего: в каких руках находилось море – слабых и безвольных или умелых и сильных.

Во время, когда у римлян появился интерес к Адриатическому морю, там творилось что-то невообразимое. Пиратство не просто существовало – оно было поставлено на промышленную основу. Не очень достойным промыслом жило и кормилось целое государство – Иллирия. А раздробленная, утратившая былое величие, Греция дрожала от страха и не имела никакой надежды справиться с этим бедствием.

Иллирия опоясывала восточное побережье Адриатического моря – теперь эту территорию занимают Босния, Черногория, Албания и Далмация. Населяли ее народы фракийского корня. Перенаселенность страны, и как следствие, бедность, заставляли жителей Иллирии искать счастья в морских набегах.

Особенно искусными мореходами были выходцы из племени либурнов – отсюда и пошло название быстроходного парусного двухпалубного пиратского судна. Занятию преступным ремеслом способствовала необычайно изрезанная, предоставлявшая хорошие убежища, береговая линия.

Наивысшего расцвета иллирийское пиратство достигло при царе Агроне. Он фактически узаконил морской промысел и значительно усилил морские и сухопутные силы. От единовременных грабительских набегов иллирийцы перешли к захвату сопредельных территорий. Македония уже не могла обеспечить безопасность эллинской торговли. Расписавшись в собственной беспомощности, она заключила дружеский договор с Иллирией. Царь Агрон использовал дружбу с македонянами, чтобы грабить их врагов – этолийцев.

Очередная крупная победа и явилась причиной преждевременной смерти правителя пиратского государства. «Царь Агрон по возвращении лодок выслушал сообщение начальников о битве и чрезвычайно обрадовался победе над этолянами, преисполненными величайшей гордыни. Он предался пьянству и прочим излишествам, заболел плевритом, от которого через несколько дней и умер», – рассказывает Полибий.

После Агрона остался малолетний сын от первого брака и молодая жена Тевта. Она и утвердилась на троне вместо неудачно отпраздновавшего победу мужа.

Царица оказалась еще более деятельной и кровожадной, чем прежний правитель. Она мечтала только о войне и победах. Тевта, «прежде всего, разрешила подданным грабить на море по своему усмотрению всякого встречного; потом она снарядила флот, собрала войско не меньшее прежнего и, отправляя его в поход, дозволила начальникам поступать с каждой страной, как с неприятельской» (Полибий).

Разбойничий пыл иллирийцев не угас со смертью царя, наоборот, разгорелся с новой силой – распоряжения царицы Тевты пришлись им по душе. «Иллирийцы же, вкусив сладости завоевания и власти, и желая большего и большего, выстроили себе корабли и стали грабить всех других, с кем бы им не пришлось столкнуться», – подтверждает слова Полибия историк Павсаний.

Пираты проявляли изрядную изобретательность, чтобы завладеть добычей. Под видом купцов они появились в Мессении. Иллирийцы послали вестника в ближайший город Мофон с просьбой доставить на корабли вино.

Как далее разворачивались события, рассказывает Павсаний:

«Когда к ним с вином прибыло несколько мужчин, они купили у них вино по цене, назначенной самими мофонцами, и сами стали продавать им то, что привезли. Когда на следующий день к ним пришло из города большое количество людей, иллирийцы дали возможность и им получить от продажи выгоду. Наконец к ним на корабли пришло много жен-

щин и мужчин для продажи вина и с тем, чтобы в свою очередь купить что-либо у варваров. Тогда иллирийцы со всей дерзостью бросились на них и похитили много мужчин и еще больше женщин; забрав их к себе на корабли, они поплыли к берегам Ионийского моря, оставив город Мофону почти безлюдным».

Другой флот иллирийцев приблизился к городу Фенике в Эпире. Пираты не стали немедленно штурмовать «укрепленный и могущественный город эпиротов» (Полибий). Они изъявили желание завестись хлебом, а во время переговоров вошли в сношение с наемниками из племени галатов. (Их в городе находилось 800 человек.) Так, с помощью предательства пираты овладели богатейшим городом.

Эпироты скоро опомнились и решили отбить город, но на помощь пиратам пришло сухопутное войско под предводительством Скердилаида. Сражение произошло перед городом. Войско Эпира, атакованное с одной стороны пятитысячным войском Скердилаида, с другой, пиратами и галатами, потерпело поражение. «Многие из них пали на месте, еще больше взято в плен, прочие бежали...» (Полибий).

«Ограбив Эпир, они (иллирийцы) заключили с жителями его перемирие, по условиям которого возвращали за выкуп свободнорожденных пленных и город. Рабов и прочую добычу они поместили в лодки, после чего часть их отправилась назад морем, а отряд Скердилаида отступил сухим путем через теснины Антигонии. Велико было смущение и страх,

наведенные иллирийцами на прибрежных эллинов» (Полибий).

Поразительно, в каком плачевном состоянии оказалась родина великого царя Пирра¹. Эпироты даже не думали об отмщении обидчикам. Они отправили посольство к царице Тевте и заключили союз с иллирийцами, только это средство и могло быть некоторой защитой от пиратских набегов.

«Иллирияне и раньше постоянно нападали на торговых людей Италии, а во время пребывания в Фенике большая часть иллирян отделилась от флота и не замедлила ограбить множество италийских торговцев, причем одни из ограбленных были убиты, немало других увезено в плен» (Полибий).

Последнее явилось большой ошибкой пиратов. Потерявшие чувство страха, упивающиеся силой и безнаказанностью, иллирийцы еще не знали, что Рим нанесенные обиды не прощает.

¹ Пирр (319–273 гг. до н. э.) – царь Эпира (государства в Северной Греции), крупнейший полководец эллинистической эпохи. Воевал в Италии во время конфликта Тарента с Римом. В битве при Геракле в 280 г. до н. э. его наемное войско нанесло римлянам поражение, в 279 г. до н. э. при Аускуле Пирр вновь разбил римлян, но его армия понесла такие потери, что полководец воскликнул: «Еще одна такая победа и я останусь без войска!» Отсюда идет выражение: «Пиррова победа», что значит победу, равнозначную поражению. Затем Пирр отплыл на Сицилию, где был разбит карфагенянами и мамертинцами. Переправившись в Грецию, Пирр победил царя Македонии Антигона. В поисках новых приключений воинственный царь Эпира отправился на Пелопоннес, где и погиб в уличном бою за город Аргос.

Тевта разбирала сокровища, награбленные в Эпире, когда к ней явились римские послы Гай и Луций Корунканий.

Недовольна была царица, сурово и надменно держала себя с послами. Когда римляне перечислили все обиды, потребовали вернуть на родину итальянских торговцев и возместить убытки, Тевта ответила:

– Я позабочусь о том, дабы римляне не терпели никаких обид от иллирийского народа. Что же касается отдельных лиц, то у царей Иллирии не в обычае мешать кому бы то ни было в приобретении себе добычи на море.

Луций Корунканий, раздраженный речью царицы, позволил себе дерзость. Впоследствии она ему дорого обошлась.

– У римлян, Тевта, – сказал посол, – существует прекраснейший обычай: государство карает за обиды, причиненные частными лицами, и защищает обиженных. Мы с Божьей помощью постараемся вскоре заставить тебя исправить обычаи царей для иллирян.

Слова посла привели царицу в бешенство – она ведь привыкла, что правители соседних государств слезно просят мира и союза с Иллирией. А здесь какой-то римлянин из-за моря вздумал угрожать. Тевта отправила вслед послам воинов и приказала убить дерзкого Корункания. Что и было сделано вопреки всем общепринятым нормам и человеческим правилам.

Сведения Полибия подтверждает Аппиан Александрий-

ский, а Флор рисует еще более страшную картину преступления: «Наших послов, на законном основании требовавших возмещения убытков, они убили, и даже не мечом, а топором, словно жертвы, а командиров кораблей сожгли. И самое недостойное – это приказала женщина».

Тевта посчитала, что подобным образом уладила недоразумения с римлянами, и занялась привычными делами. Весной 229 г. до н. э. она снарядила две флотилии для грабежа Эллады. Первая вошла в гавань города Эпидамна под предлогом пополнения запасов воды и хлеба. Чтобы окончательно усыпить бдительность горожан, иллирийцы приблизились к Эпидамну безоружными, неся лишь большие сосуды для воды. Как только они оказались у ворот, извлекли мечи из сосудов и перебили привратников.

Пиратам удалось овладеть частью стен, но жители Эпидамна на редкость дружно принялись защищать свое имущество и свободу. После продолжительной битвы иллирийцев выбросили из города.

«Таким образом, эпидамняне по своей беспечности, едва было, не потеряли родины, но благодаря мужеству без всякого ущерба для себя получили урок на будущее» (Полибий).

Побитые иллирийцы соединились со второй флотилией и все вместе приблизились к острову Керкире (совр. Корфу). Жители Керкиры успели отправить послов к ахейцам и этолийцам с просьбой о помощи.

Эллины послали к острову десять четырехпалубных кораблей. Произошла морская битва.

Иллирийцы, совершенно не жалея своих судов, сталкивались с кораблями ахейцев, воины перебирались на греческие суда и с боем захватывали их. Смелость принесла немалые плоды: иллирийцы завладели четырьмя четырехпалубными судами, а один корабль потопили вместе с командой. Капитаны остальных эллинских кораблей, не полагаясь на удачу и собственную храбрость, вручили судьбу попутному ветру и умелости гребцов, изо всех сил помогавших ветру гнать корабли подальше от свирепых иллирийцев.

Подданные Тевты беспрепятственно продолжили осаду острова. Впрочем, она была недолгой: жители Керкиры увидели, что помощи ждать больше неоткуда, и вступили в переговоры с пиратами. Они согласились признать власть царицы Тевты и допустили в город отряд иллирийцев. Командовал ими Деметрий из Фара (остров у побережья Далмации).

Победа воодушевила пиратов. Они решили вернуться к Эпидамну и попытаться еще раз завладеть им.

Непокорный Эпидамн стал проклятием для пиратов. Как раз в это время римляне вновь напомнили о себе и выбрали для этой цели более действенные меры, чем посольство. Консул Гней Фульвий с флотом в 200 кораблей приблизился к Керкире. Второй консул Луций Постумий вел сухопутную армию в составе 20000 легионеров и 2000 конницы.

Это было первое появление римских легионов на Балканах, и Рим постарался, чтобы оно выглядело как можно более эффектно.

Наместник Тевты на Керкире Деметрий Фарский даже не помышлял о сопротивлении: он направил римлянам предложение о передачи города и острова. Жители Керкиры с удовольствием отдались под покровительство римлян.

Затем Гней Фульвий направился по следам разбойников к Эпидамну. Его появление заставило иллирийцев вторично отказаться от осады города и в панике бежать.

Флот римлян захватил двадцать судов с награбленной добычей, а сухопутный консул тем временем покорял город за городом. Скоро в руках римлян оказалось почти все побережье, ранее принадлежавшее иллирийцам. Царица Тевта оставила столицу Скодру и укрылась в труднодоступной крепости Ризон. Весной 228 г. до н. э. царица отправила к римлянам посольство с просьбой о мире.

Условия мира были чрезвычайно суровы для Иллирии. Римляне наложили на пиратское государство огромный налог. Тевту лишили трона, передав его малолетнему сыну Агрона. От обширных владений Иллирии осталась полоска земли: захваченные у греков города вернули прежним хозяевам, часть собственно иллирийских земель передали в управление Деметрию Фарскому под протекторатом Рима. Его же назначили регентом при малолетнем царе.

Превосходных мореходов, иллирийцев, лишили самого

необходимого – моря. Им запретили плавать южнее определенной точки (Лисса) более как двумя судами, причем на кораблях не должно находиться никакого оружия.

Не забыли римляне рассчитаться за посольство Корунканиев. «Топоры, обрушившиеся на шеи старейшин, умилировали манны послов» (Флор).

Вся Эллада с восторгом приветствовала победы римского оружия. Уж больно досадили грекам иллирийские пираты. Посольства римлян тепло принимали Афины и прочие города Греции. Коринф допустил римлян к участию в Истмийских состязаниях. Происходили они раз в три года и были весьма престижны в античном мире. Впоследствии даже римские императоры испытывали к ним огромный интерес.

Так римляне получили в свои руки удобные морские базы на берегу Адриатического моря, очистили его от пиратов и обрели благодарность эллинов.

На этом заканчивается история пиратской царицы, которая посмела бросить вызов Риму, но явно не рассчитала свои силы. После Деметрия Фарского на иллирийском троне мы видим другого военачальника Тевты – Скердилаида. Скорее всего, он предал свою царицу, как раньше это сделал Деметрий. В пиратском государстве свои законы, и неудачникам нет места в мире, где погоня за удачей, легкой добычей является смыслом жизни. Боготворимая подданными царица Тевта ушла со страниц древних рукописей и из жизни илли-

рян, как только заключила позорный договор с римлянами.

Даже самое большое везение в определенный момент прекращает свое действие. Не стоит им злоупотреблять!

Софониба (? – 203 г. до н. э.)

Женщина и война – понятия несовместимые, но порой от хрупких созданий зависят судьбы народов и государств. Не обошлась без женского фактора самая длительная и кровавая война античности.

Нет! 2-я Пуническая война началась не из-за Софонибы², подобно тому, как причиной Троянской войны явилась Елена; она не получила всемирной известности Клеопатры, но исход последних сражений войны зависел и от прелестных глаз карфагенянки.

Отец Софонибы – «Гасдрубал, сын Гисгона, был первым человеком в государстве по родовитости, по своей славе, по богатству...» (Ливий). Он много лет сражался вместе с братьями Ганнибала в Испании. Когда Иберия оказалась потерянной для карфагенян, Гасдрубал перебрался в Африку. На его плечи легла защита Карфагена.

Софониба приняла «участие» в войне несколько необычным способом, но вполне закономерным. Дело в том, что самой боеспособной частью пунийского войска была нумидийская конница – это благодаря ей карфагеняне одержали

² Софониба – в европейском варианте встречается Софонисба (ее пунийское имя – Сафанбаал).

множество побед; в том числе, в знаменитой битве при Каннах. Недаром Карфаген любой ценой стремился заполучить воинственных всадников, гордая пунийская знать не гнушалась даже родством с вождями полудиких племен. Во времена наемнической войны Гамилькар Барка (отец Ганнибала) выдал дочь за нумидийца, чтобы иметь в распоряжении небольшой отряд его воинов.

Гасдрубал обладал именно тем, чего так жаждали нумидийские вожди. Красавица Софониба, еще не достигшая брачного возраста, без долгих раздумий была обещана Масиниссе – сыну царя из племени массилиев. Юноша, привязанный прелестными цепями к Карфагену, долгое время сражался под началом будущего тестя в Испании.

Но вот беда... У нумидийцев «в Ливии было множество царей, каждый над своей частью, выше же всех был Сифакс³, имевший и у других племен исключительный почет» (Аппиан). И этот Сифак воспылил страстью к дочери Гасдрубала. Коль ему, самому сильному из нумидийских царей, не спешили доставить очаровательную Софонибу, то Сифак принялся грабить владения Карфагена. Более того, он заключил союз с Публием Сципионом и готовился нанести сокрушительный удар в спину пунийцам.

Пришлось карфагенянам прибегнуть к самому грозному

³ Сифак (Сифакс) – царь западных нумидийцев, соседствовавших с маврами. Масинисса – царь восточных нумидийцев.

оружию: Софонибу представили взору Сифака. И страшный враг в мгновение ока превратился в преданного друга. Помолвку с Масиниссой немедленно расторгли, а дочь Гасдрубала выдали замуж за Сифака. Причем, все это свершилось, как утверждают источники, без ведома ее отца.

По свидетельству Аппиана «узнав об этом, Гасдрубал был глубоко оскорблен за юношу и за дочь, которые оба подверглись оскорблению, но хотел вместе с тем помочь отечеству». Отца красавицы настолько волновало несдержанное слово по отношению к Масиниссе, что Гасдрубал (чтобы избавиться от чувства вины) решил его... убить. Для этой цели он послал к Масиниссе несколько всадников в качестве провожатых.

Гасдрубал явно недооценил бывшего кандидата в зятя. Последний благополучно ускользнул от подосланных убийц и покинул Испанию. Впрочем, в Африке он тоже не почувствовал себя в безопасности. С потерей невесты беды Масиниссы только начались. На родине его ждали невероятные приключения, если оценивать посторонним глазом; для Масиниссы же наступили годы жестокой борьбы, с блестящими победами, сокрушительными поражениями – годы походной жизни, полной лишений и смертельной опасности. В-общем, он доставил немало хлопот и бывшему тестю, и нынешнему мужу Софонибы, и всей Северной Африке.

В это время дела Ганнибала, который находился еще в Италии, были не очень хороши. Он блестяще разбил римлян в первых сражениях этой войны, он уничтожал их десятками тысяч, но лишить римлян мужества не мог даже непобедимый Ганнибал. В многолетней войне обескровилось и войско африканских пришельцев.

Ганнибал понимал, что уже не в силах сломить Рим, но не мог и оставить врага, на которого потратил столько лет, борьба с которым являлась смыслом его жизни. Он отвел войско в самый дальний уголок Италии – Брутий – и занимал его долгие четыре года. Великий полководец надеялся на чудо...

А римляне настолько осмелели, что решили перенести войну в Африку, в самое сердце карфагенских владений. Главой заморской экспедиции назначили Публия Корнелия Сципиона, до этого времени успешно сражавшегося в Испании. Именно там Сципион заключил союз с Сифаком, которого с помощью Софонибы переманили на свою сторону карфагеняне.

Военные приготовления Сципиона, конечно же, стали известны пунийцам. Особенно тревожился Гасдрубал, которому и предстояло защищать родину. Гасдрубал помнил, что его зять связан договором с Публием Сципионом; и этот союз формально существовал до сих пор. Немало потрудиться пришлось и его дочери.

Гасдрубал, зная, «насколько лживы и неверны варвары;

боясь, что женитьба не удержит Сифака, если Сципион появится в Африке, заставил нумидийца, еще пылавшего любовью (тут пошли в ход и ласковые уговоры молодой), отправить послов в Сицилию к Сципиону: пусть тот не полагается на его прежние обещания и не переправляется в Африку. Он, Сифак, связан брачными узами с карфагеняжкой, дочерью Гасдрубала, связан союзом с карфагенским народом. Вот чего он желает: пусть римляне воюют с карфагенянами вдали от Африки, как воевали прежде; Сифак не хочет быть втянут в их спор, не хочет, присоединившись к одной из сторон, нарушить договор с другой. Если Сципион будет упорствовать и подступит с войском к Карфагену, Сифак будет вынужден сражаться за Африку, за землю, где он родился, за отчизну своей жены, за ее отца и ее дом». (Ливий).

Софониба уговорила Сифака хранить верность Карфагену. Потеря союзника была весьма чувствительной для Сципиона, но, конечно, не могла заставить его отказаться от планов вторжения в Африку.

Спорный вопрос: хорошим или плохим полководцем был Сципион, но дипломатом он был великолепным. Еще в Испании он понял, что «нумидийцы Масиниссы – главная сила всей вражеской конницы» (Ливий), и вступил с ливийцем в переговоры.

Тогда Масиниссе не было никакого смысла менять красавицу-невесту на объятия Сципиона, но нумидиец знал, кто

ему может быть полезен, если ситуация изменится. И такие времена пришли: козни самих карфагенян доставили Сципиону превосходного нумидийского воина-царя, но лишили мощного союзника в Африке – Сифака. Насколько полезна была подобная рокировка карфагенянам, проведенная с помощью Софонибы, – покажут последующие события. Ныне же, Масинисса, потерявший любимую невесту и царство, жаждал мести и готов был служить любому, кто поможет расчитаться за все его беды.

Весной 204 г. до н. э. флот Сципиона из сорока военных и четырехсот грузовых судов благополучно пересек Средиземное море и высадился на Прекрасном мысе, недалеко от Утики. В начале компании к Сципиону присоединился Масинисса. Воинов он привел немного: по оценкам разных источников от двухсот до двух тысяч – то были не лучшие времена нового союзника Сципиона. Однако Масинисса был великолепным стратегом, прекрасно освоившим тактику военных действий карфагенян и римлян. Он превосходно знал местность, на которой римлянам предстояло вести войну. Масиниссе неизменно сопутствовала удача в бесконечных авантюрах (самая большая удача в том, что он до сих пор жив) – и это немаловажно. Человек, которому покровительствуют боги, внушал римлянам уважение.

Счастье сопутствовало Сципиону: с помощью хитрости он нанес Гасдрубалу и его зятю жесточайшее поражение.

Карфагенянам вновь пришлось использовать свое прекрасное оружие. Сифака продолжить войну уговорила жена – Софониба, «но теперь уже не ласками, какими улещают влюбленного: обливаясь горькими слезами, она умоляла Сифака не бросать ее отца и отечество, не допустить Карфагену погибнуть в таком же пожаре, какой уничтожил лагерь» (Ливий).

В одной из очередных битв сошлись оба претендента на руку и сердце Софонибы. Сифак личным примером пытался вдохновить войско, но этим лишь ускорил победу соперника. Лошадь под властителем Нумидии была тяжело ранена, он упал, а подняли его уже воины Масиниссы.

Потеряв вождя, войско помышляло не о борьбе, а лишь о спасении. Большая часть беглецов укрылась в Цирте – столице Нумидии. Впрочем, главный город Сифака сдался без борьбы, едва у стен увидел своего царя, закованного в цепи.

Лишь один человек продолжал борьбу с римлянами – то была жена Сифака, дочь Гасдрубала и мечта Масиниссы.

Сражалась Сафониба единственно доступным ей способом. Знатная карфагенянка упала на колени перед отверженным когда-то женихом и покорно просила:

– Смилуйся над умоляющей: реши сам судьбу твоей пленницы, но не допусти ей оказаться во власти надменного и

жестокого римлянина. Будь я только женою Сифака, я и то предпочла бы положиться на честность нумидийца, своего земляка, а не чужака-иностранца. Чем страшны римляне карфагенянке, дочери Гасдрубала, ты знаешь. Если иначе нельзя, молю и заклинаю тебя, освободи меня смертью от власти римлян.

«Она была в расцвете юности, на редкость красива; в ее просьбах, когда она, то обнимая колени Масиниссы, то беря за руку, молила не выдавать ее римлянину, звучало столько ласки, что душу победителя переполнило не только сострадание... – пленница пленила победителя. Подав ей правую руку, Масинисса пообещал исполнить все ее просьбы и ушел во дворец» (Ливий).

Уединившись в покоях Сифака, Масинисса начал думать о том, как сдержать данные обещания. Впрочем, решение приняло сердце: победитель Сифака в тот же день приказал готовиться к свадьбе. Несчастный надеялся, что ни Лелий (римлянин, который помог Масиниссе одержать победу), ни Сципион не посмеют распоряжаться судьбой Сафонибы, которая из пленницы превратится в его супругу.

Надежды влюбленного Масиниссы не оправдались. «Когда свадьбу справили, явился Лелий; он был так раздосадован, что собирался отправить Софонибу прямо с брачного ложа к Сципиону вместе с Сифаком и прочими пленными» (Ливий). Как утопающий хватается за соломинку, так Масинисса слезно упрашивал Лелия ничего не предприни-

мать в отношении карфагенянки до встречи со Сципионом. Пусть, мол, тот решит: «с кем из двух царей должна разделить судьбу Сафониба».

Недолго наслаждался Масинисса семейным счастьем. Сципион, узнав о выборе Масиниссы, пришел в великий ужас. Накануне он допрашивал Сифака. Аппиан Александрийский передает диалог римского военачальника и поверженного врага:

– Какой демон заставил тебя, бывшего мне другом и побуждавшего меня прийти в Ливию, обмануть богов, которыми ты клялся, – спрашивал Сципион, – обмануть вместе с богами римлян и предпочесть воевать в союзе с карфагенянами вместо союза с римлянами, которые недавно помогли тебе против карфагенян?

– Софониба, дочь Гасдрубала, которую я полюбил себе на гибель, – ответил Сифак. – Она сильно любит свое отечество и способна всякого склонить к тому, чего она хочет. Она меня из вашего друга сделала другом своего отечества и из такого счастья ввергла в это бедствие.

Сифак уже не думал ни о Карфагене, ни о Риме: любимая женщина принадлежала врагу. Так пусть же она умрет! Сифак не допустит, чтобы более удачливый соперник держал в объятьях Софонибу в его собственном дворце!

Если бы Сифак повел речь в другом направлении, возможно и Сципион не был так негативно настроен против женитьбы своего союзника. И тогда мог измениться и ход вой-

ны, и дальнейшее развитие цивилизации. Софонибе вполне было по силам повернуть Масиниссу в противоположную сторону – эта женщина умела править мужчинами.

К несчастью для Софонибы, Публий Сципион был хорошим дипломатом и, следовательно, знатоком человеческих душ. Он понял, что союзника необходимо срочно спасать.

Сципион одинаково приветливо встретил возвратившихся с победой Лелия и Масиниссу, обоих удостоил похвал перед военным советом. Затем отвел Масиниссу в сторону и спокойным голосом (как и подобает мудрейшему) произнес:

– Я думаю, Масинисса, что еще в Испании, при первой встрече, ты увидел во мне что-то доброе и потому вошел со мной в дружбу; в Африке все свои надежды связал со мной; но среди всех моих хороших свойств, которые побудили тебя искать моего расположения, ни одним я так не горжусь, как умением владеть собой и не поддаваться страсти. Я бы хотел, Масинисса, чтобы ты к своим превосходным качествам добавил и это. В нашем возрасте, поверь мне, страсть к наслаждениям опаснее вооруженного врага. Тот, кто ее укротил, одержал большую победу и заслуживает большего уважения, чем мы, победившие Сифака.

Ты действовал в мое отсутствие энергично и мужественно – я с удовольствием об этом вспоминаю и хорошо помню. Об остальном подумай сам: я не хочу, чтобы ты краснел от моих слов. По милости богов Сифак побежден и взят в

плен. Значит, он сам, его жена, его царство, земля, города, население его страны; все, что принадлежало Сифаку, – добыча римского народа. И царя, и его жену, если бы даже не была она карфагенянкой, если бы даже не знали мы, что отец ее вражеский военачальник, следует отправить в Рим. Пусть сенат и народ римский решат судьбу той, о которой говорят, что она отвратила от нас царя-союзника и заставила его безрассудно взяться за оружие.

Победи себя: смотри, сделав много хорошего, не погуби все одной оплошностью; не лиши себя заслуженной благодарности, провинившись по легкомыслию.

Бедняга Масинисса разрывался на части: сердце его принадлежало Софонибе, но разум подчинялся Сципиону. Нумидиец понимал, что, связав судьбу с Софонибой, он потеряет все; и это тогда, когда его соперник находится в оковах, карфагеняне разбиты и путь к власти над Нумидией свободен.

Долго влюбленный юноша оставался в своей палатке, проходившие мимо слышали его стоны и рыдания. Наконец Масинисса вызвал верного раба и велел отнести Софонибе отравленный кубок. Он так и не смог попрощаться с женой, посмотреть ей в глаза. Велик был страх, что карфагенянка одним взглядом изменит его решение, заставит нового мужа воевать со всем миром. Масинисса боялся увидеть ее – беззащитную, преданную им и обреченную на смерть, но такую

желанную...

Лишь через раба-палача нумидийский вождь передал Софонибе слова:

— Масинисса рад бы исполнить первое обещание, которое дал ей как муж жене, но те, кто властен над ним, этого не позволят, и он исполняет второе свое обещание: она не попадет живой в руки римлян. Пусть сама примет решение, помня, что она дочь карфагенского вождя и была женой двух царей.

Карфагенянка мужественно выслушала приговор мужа и ответила рабу, передавшему яд.

— Я с благодарностью приму этот свадебный подарок, если муж не смог дать жене ничего лучшего; но все же скажи ему, что легче было бы мне умирать, не выйдя замуж на краю гибели.

«Твердо произнесла она эти слова, взяла кубок и, не дрогнув, выпила» (Ливий).

Сципион опасался, как бы Масинисса с горя не последовал за женой. Он не отпускал нумидийца от себя ни на шаг, а на следующий день нашел способ уменьшить его скорбь.

«Сципион, взойдя на трибунал,... впервые назвал Масиниссу царем, превознес его похвалами и даровал ему золотой венок, золотую чашу, курульное кресло, жезл из слоновой кости, расшитую тогу и тунику с узором из пальмовых ветвей⁴. Сципион почтил юношу и речью: нет в Риме отличия

⁴ ...даровал ему золотой венок, золотую чашу, курульное кресло, жезл из слоновой кости, расшитую тогу, тунику с узором из пальмовых ветвей. — Все эти

выше триумфа, ни один римский триумфатор не был облачен так роскошно, и римский народ из всех чужестранцев одного Масиниссу считает достойным такого убора» (Ливий).

Сифака отвезли в Рим, где он вскоре умер, не в силах переносить свое бедственное положение. А карфагеняне тысячу раз пожалели, что отдали Софонибу не тому нумидийскому царю.

Отца Софонибы за поражение в битве карфагеняне приговорили к смерти. Гасдрубал бежал с остатками войска теперь уже от сограждан и занялся разбоем, как недавно промышлял этим делом отверженный жених Софонибы – Масинисса.

История прелестной карфагенянки вдохновила Рембрандта ван Рейна написать в 1634 году картину «Софониба принимает чашу с ядом». Величественная гордая карфагенянка на картине очень похожа на любимую жену художника пышнотелую Саскию, но весь трагизм ситуации передан художником великолепно.

вещи (кроме чаши) были в Риме знаками отличия полководца-триумфатора, а также традиционным подарком для царей. Подобные вещи получил и Сифак, когда считался союзником Рима.

Жена Гасдрубала (? – 146 г. до н. э.)

«Карфаген должен быть разрушен!» – кто не знает фразу, ставшую крылатой. Марк Порций Катон, неустанно ее произносивший, обрел не меньшую знаменитость, чем разрушитель ненавистного города – Публий Корнелий Сципион.

Слово может быть значительнее дела! А ведь и Катон вполне достоин славы за собственные дела. Хотя бы взять сообщение Аврелия Виктора об одном его успехе: «Он родил сына, будучи старше восьмидесяти лет».

Впрочем, это лишь интересный факт, не имеющий отношения к нашему рассказу; тем более, Катон не дожил до событий, которых страстно желал.

Летом 149 г. до н. э. восемьдесят тысяч легионеров и четыре тысячи всадников высадились на африканском побережье – началась 3-я Пуническая война. Война позорная и недостойная Рима. Помимо того, что не существовало достаточно весомого повода уничтожать город (кроме ненависти Катона, разумеется), карфагеняне совершенно не имели сил, средств и желания противостоять Риму. Упавшие духом соплеменники великого Ганнибала направили послов к консулам с приказом соглашаться на все их условия.

Карфагенянам было предложено выдать все имеющееся в городе оружие. Требование незамедлительно исполнили:

«Римлянам карфагеняне выдали больше двухсот тысяч комплектов вооружения и две тысячи катапульт» (Полибий). Перед этим 300 карфагенских юношей отправились заложниками на Сицилию.

Затем римляне выдвинули новое условие: карфагеняне должны покинуть город и переселиться вглубь Африки. Оно было заведомо невыполнимым – лишить потомков финикийцев моря и торговли было хуже, чем лишить их жизни. Когда послы передали согражданам слова римлян, «все они разом вскрикнули и как бы оцепенели. Но когда сообщение послов разошлось в народе, оцепенение кончилось: одни кидались на послов, как бы на виновников постигшего их несчастья, другие, на оставшихся в городе италийцев, чтобы на них излить свою ярость, третьи бежали к городским воротам» (Полибий).

«Эта жестокость вызвала такой гнев, что карфагеняне предпочли самое худшее. Раздался всенародный клич: «К оружию!» Они приняли решение сопротивляться, и не потому, что уже не оставалось никакой надежды, но потому, что предпочли, чтобы родина была низвергнута руками врагов, а не их собственными» (Флор).

Оружия в городе не было – его, как и флот, накануне передали римлянам. «Каково было воодушевление сопротивляющихся, можно представить по тому, что для нужд нового флота они разрушили кровли домов. В оружейных мастерских вместо меди и железа расплавлялось золото и сереб-

ро, для тетив метательных машин знатные женщины собрали свои волосы» (Флор).

Римляне окружили Карфаген со всех сторон, но пунийский военачальник Гасдрубал не терял надежды на мирный исход. Через нумидийского царя Голосу он просил Сципиона пощадить город. «Публий внял этой речи и поручил Голоссе передать Гасдрубалу, что дарует жизнь ему самому, жене, детям, десяти родственным с ним или дружественным семействам, кроме того, позволяет ему взять с собой десять талантов из своих денег или всех слуг, каких пожелает» (Полибий).

Сципион желал оставить непокорный город и без военачальников, но у Гасдрубала хватило мужества отказаться от позорного способа спасения жизни. На этот раз... «Гасдрубал подошел к царю и, выслушав предложения римского военачальника, несколько раз ударил себя по бедру, потом, призвав богов и судьбу в свидетели, объявил, что никогда не наступит тот день, когда бы Гасдрубал глядел на солнечный свет и вместе на пламя, пожирающее родной город, что для людей благомыслящих родной город в пламени – почетная могила» (Полибий).

Три долгих года длилась осада безоружного города. Весной 146 г. до н. э. Сципиону удалось ворваться в Карфаген. Шесть дней война шла на городских улицах, в домах горо-

жан, «причем римское войско постоянно сменялось, чтобы не устать от бессонницы, трудов избиения и ужасных зрелищ».

На седьмой день в руках карфагенян оставалась только Бирса – самая мощная карфагенская крепость. Римляне устали проливать кровь, и когда к Сципиону пришла оттуда просьба о милосердии, он согласился даровать жизнь всем, кроме перебежчиков. Вышло вместе с женами пятьдесят тысяч карфагенян – всех их ожидало рабство.

«Перебежчики из римлян, приблизительно девятьсот человек, отчаявшись в своем спасении, бежали в храм Асклепия вместе с Гасдрубалом, женой Гасдрубала и двумя его маленькими детьми. Оттуда они упорно продолжали сражаться ввиду высоты храма, выстроенного на отвесной скале, к которому и во время мира поднимались по шестидесяти ступеням. Но когда их стал изнурять голод, бессонница, страх и утомление и так как бедствие приближалось, они покинули ограду храма и вошли в самый храм и на его крышу» (Аппиан).

В это время Гасдрубал, позабыв свои обеты и клятвы, бежал к римлянам. Гордого военачальника пред ликом смерти охватил такой страх, что он упал к ногам Сципиона и слезно молил сохранить ему жизнь.

«... Когда Гасдрубал, карфагенский военачальник, в положении просящего сидел у ног Сципиона, сей последний,

окинув взглядом присутствующих, сказал: «Смотрите, какой внушительный урок дает судьба безумцам. Безумец этот – Гасдрубал, ибо недавно он отринул наши милостивые условия и говорил, что для него пламень горящего родного города – почетнейшая могила. И вот теперь с молитвенной веткой в руках он просит сохранить ему жизнь и на нас возлагает все упования свои. При виде этого человека не может не прийти на мысль каждому, что нам, смертным, никогда не подобает позволять себе ни речей наглых, ни поступков» (Полибий).

Тем временем защитники храма Асклепия заметили Гасдрубала среди врагов и попросили римских передовых воинов на некоторое время приостановить битву. Едва Сципион исполнил эту просьбу, «как они обрушились на Гасдрубала с ругательствами, причем, то укоряли его за клятвопреступление, напоминая, как часто он клялся на жертвенниках не покидать их, то поносили его за трусость и душевную низость вообще. Речь их была полна насмешек и грубой беспощадной брани» (Полибий).

Излив таким образом свои эмоции, перебежчики подожгли храм. Огонь охватил здание, языки пламени, пожирая последних защитников Карфагена, вырывались наружу. В это время на крыше появилась жена Гасдрубала «в приличествующем ей пышном одеянии, а по обеим сторонам ее стояли два мальчика, одетые в короткие платица, держа мать за руки; она прикрывала их собственной одеждой» (Полибий).

Окружившие храм римляне с ужасом взирали на страшное зрелище, лишь треск огня и стоны людей, горевших заживо, задыхавшихся в дыму, нарушали тишину. Жена Гасдрубала обратилась к Сципиону:

«Тебе, о римлянин, нет мщения от богов, ибо ты сражался против враждебной страны. Этому же Гасдрубалу, оказавшемуся предателем отечества, святилищ, меня и своих детей, да отомстят ему и боги Карфагена, и ты вместе с богами».

Затем, обратившись к Гасдрубалу, она сказала: «О преступный и бессовестный, о трусливейший из людей! Меня и моих детей похоронит этот огонь; ты же, какой триумф украсишь ты, вождь великого Карфагена?! И какого только наказания ты не понесешь от руки того, в ногах которого ты теперь сидишь?» Произнеся такие оскорбительные слова, она зарезала детей, бросила их в огонь и сама бросилась туда же.

С такими словами, говорят, умерла жена Гасдрубала, как должен был бы умереть сам Гасдрубал. И Сципион..., видя, как этот город, процветавший семьсот лет со времени своего основания, властвовавший над таким количеством земли, островами и морем, имевший в изобилии и оружие, и корабли, и слонов, и деньги, наравне с величайшими державами, но много превзошедший их смелостью и энергией, видя, как этот город, лишенный и кораблей, и всякого оружия, тем не менее, в течение трех лет противостоял такой войне и голоду, а теперь окончательно обречен на полное уничтожение, — видя все это, Сципион заплакал и открыто стал жалеть своих

врагов» (Аппиан).

Подвиг жены Гасдрубала, от которого холодеет кровь, отражен во многих источниках; отличается лишь описание последних минут жизни детей. Согласно Титу Ливию она «с двумя детьми бросилась с крепостной стены в самое пламя горящего города». У Флора «схватив детей, она с кровли бросилась в пламя, подражая царице, основательнице Карфагена».

Время не сохранило имени жены карфагенского военачальника; остался лишь поступок, который поставил последнюю точку в истории достойно погибшего города.

Святилище Асклепия, которое стало могилой жены Гасдрубала, «было наиболее знаменитое и богатое из всех других в крепости». Точно также карфагеняне обошлись с остальным своим имуществом. «О величии разрушенного города можно судить, не говоря уже о прочем, по продолжительности пожара. За семнадцать дней едва смог угаснуть огонь, который враги добровольно направили на свои дома и храмы: если не смог устоять против римлян город, должен был сгореть их триумф» (Флор). Добыча римлян после взятия богатейшего города мира была не большей, чем после разграбления Сиракуз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.